

Валерий Золотухин. В зеркале памяти

текст

НАДЕЖДА
КОНДАКОВА

Познакомились мы в самом начале 1980-х, еще при Брежневе. Хотя к тому времени я, завзятая театралка и поклонница сверхпопулярной «Таганки», пересмотрела все спектакли с участием Золотухина, а поскольку он с самого начала был ключевой фигурой у Любимова, то, значит, и вообще все спектакли этого театра. До встречи с Золотухиным знакома лично я была только с одним артистом «Таганки». Звали его Владимир Высоцкий. Как это произошло — отдельный сюжет, вписывающийся в наш рассказ лишь отчасти и то только потому, что при знакомстве и последующем сближении с Валерием Сергеевичем этот факт сыграл свою роль. Это сегодня мало у кого из понимающих в литературе современников вызовет отторжение слово «поэт» (хотя бы и без эпитетов), примененное к Высоцкому. А в 81-м, всего лишь год спустя после трагического его ухода, — было иначе. Даже выход в издательстве «Современник» усилиями Роберта Рождественского первой посмертной книги Высоцкого «Нерв» не исправил положения. Писательское сообщество в большинстве своем высокомерно отвергало принадлежность к своему цеху поэта, чья известность в стране перекрывала популярность всех известных и малоизвестных поэтов вместе взятых. В лучшем случае высокомерно сквозь зубы цедились: бард... Я же всегда считала Высоцкого поэтом, и даже при жизни пыталась опубликовать его стихи в журнале «Октябрь» (где заведовала поэзией), за что получила в свое время от главного редактора по шапке:

Валерий Золотухин и поэт Надежда Кондакова в перерыве между отделениями концерта. Челябинск, 1983

обещали строгий с занесением, но обошлось простым выговором. Об этом я не преминула рассказать Золотухину при первой встрече, что сразу сократило дистанцию меж нами едва ли не до — «единомышленники».

Но вернусь к обстоятельствам самого нашего знакомства с Валерием Сергеевичем. За несколько лет до описываемого мною времени появились первые публикации Золотухина-литератора. На Алтае, малой родине артиста, вышла его книга, а тиражный и в то время очень популярный в читательской среде журнал «Юность» опубликовал первую повесть Валерия Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему». Вот на эту повесть и обратила внимание редактор молодежной редакции (официальное название — редакция по работе с молодыми авторами) издательства «Современник» Любовь Васильевна Кондакова, как можно догадаться, моя сестра. Повесть ей понравилась, и она позвонила автору с лестным для любого автора предложением принести в издательство рукопись. Судя по первому автографу на подаренной ей барнаульской книге («Любови Васильевне

Кондаковой с надеждой на сотрудничество и радостью знакомства. С уважением — В. Золотухин»), — это было 19 ноября 1981 года. А вскоре мы с сестрой по приглашению Золотухина оказались на спектакле «Дом на Набережной» по роману Юрия Трифонова, где он играл одну из главных ролей. После спектакля встретились у служебного входа, и сестра представила нас друг другу. Обычно после работы артисты, наспех переодевшись, стараются побыстрее разъехаться по домам. А тут мы, помню, проговорили не меньше часа, обсуждая и спектакль, и текущие литературные события. К тому времени уже несколько лет я была членом Союза писателей СССР, но все еще работала в редакции журнала. И это обстоятельство, тоже, кажется, вызывало любопытство новичка в литературной среде. В начале 1981 года вышла моя вторая книга — «Дом в чистом поле». Точно не помню, но, вероятно, в тот вечер я ее подарила Золотухину. В том, что Валерий книжечку стихов прочел, я не сомневаюсь, он и позже читал подаренные мною книги внимательно, и всегда после прочтения звонил с откликом или

даже присылал подробные отзывы. Всегда, но не в тот раз. Позвонила ему я сама, наверное, месяца через три с неожиданным предложением. С середины 1970-х в стране успешно работала организация под названием «Всесоюзное общество книголюбов», у которой была разветвленная сеть по всей стране и колоссальный бюджет. Работавшие там, как правило, симпатичные девушки, действительно любили книги и самих писателей. А писатели любили книголюбов, поскольку встречи с читателями давали реальную возможность заработать — гонорары за выступления были приличные. В разговоре с одной из таких девушек я упомянула о Золотухине как писателе, авторе готовящейся в «Современнике» книги. И сразу родилась мысль — устроить наши с ним выступления в паре — поэт плюс прозаик и артист, причем, с ориентацией на настоящие вечера с продажей билетов: одно отделение работаю я, второе — Золотухин. На мой звонок Валерий Сергеевич откликнулся сразу, причем, радостно. Несмотря на популярность всех ведущих таганских актеров, жили они трудно, зарплаты были небольшие, а подработки в кино и на радио не всегда удавались. Любимовские репетиции, как известно, были долгими и занимали значительное место в жизни той части труппы, на которую мастер делал ставки. Золотухин был, конечно, в этом числе. Поэтому рассчитывать на долгие «книжные гастроли» мы не могли. Но два-три дня выкроить иногда получалось. Хорошо помню нашу первую поездку на Урал, в город Магнитогорск. 1982 год. Встретились рано утром в аэропорту, весь полет проговорили, не останавливаясь. Это было как бы невольное вглядывание друг в друга, попытка понять, не с каким коллегой ты едешь на выступления, а с каким человеком тебя свела судьба. Пустое «вы» то и дело мешалось с сердечным «ты». Мне было чуть за тридцать, ему — за сорок. Наслышанная о многочисленных романах и пылкости Золотухина, я побаивалась возможной неловкости с этим связанной, все же, как-никак я сама позвала его в это приключение, и откуда ему было знать, что я на «приключения» не рассчитывала. Днем была запланирована официальная встреча с местным начальством, а вечером в большом зале филармонии — наше выступление, первое.

И от того, как оно пройдет, как сложится, будет ясно, однодневный ли это проект (слова такого тогда еще не знали!) или долговременное сотрудничество. Концерт в переполненном зале прошел на ура. Ни устроители, ни мы сами не ожидали, что на сцене возникнет у нас такое взаимопонимание и с публикой, и друг с другом. Была в этом слиянии прозы и поэзии какая-то органичность, естественность и загадочная недоговоренность. Как будто бы мои женские стихи о любви, о родном мне Урале и поэтические высказывания о времени, в котором довелось жить, легко дополнялись его рассказами об Алтае, о Таганке, его размышлениями о творчестве. Валерий Сергеевич, конечно же, и пел свои знаменитые хиты, и стихи декламировал (Пушкина, Есенина, Высоцкого), но все же большую часть вечера невероятно артистично читал наизусть свою прозу. Делал это он, надо сказать, блестяще, выкладываясь по-полной. Мое выступление он прослушал внимательно, сидя тут же, на сцене, за столиком, и живо реагируя на стихи. И я его часть вечера слушала так же, со сцены. Мне было безумно интересно стать зрителем, слушателем удивительного рассказчика, и вместе с тем видеть вблизи, как работает большой и воистину народный артист. Таким образом, вглядывание и узнавание друг друга продолжалось весь вечер! Закончилось выступление уже около 10 часов. В гостиницу мы вернулись возбужденные и почти счастливые. Было ясно, что все получилось, и наш дуэт состоялся. По предложению Валерия зашли к нему в номер выпить чаю и перекусить, и тут я увидела, что значит опытный в гастрольной жизни человек. Учитывая, какое время на дворе, он взял с собою в поездку батон сырокопченой колбасы, хороший чай, растворимый кофе, сухофрукты, орехи, мед, хлеб и сыр. А также — обязательный в дороге кипятильник. Электрических чайников в номерах еще не было и в комнате. Поначалу я даже устыдилась своего неведения по части провианта. Дело в том, что многочисленные литературные поездки, в которых мне доводилось участвовать прежде, носили совершенно иной характер. Писательские делегации на литературных праздниках обычно встречали не просто хлебом-солью, но большими застольями и банкетами, в лучшем случае — обязательными завтраками, обедами и ужинами. Возможно, что и официальные делегации артистов — так же. Но тут мы были предоставлены сами себе, как обычные командированные: нам оплатили билеты, на три дня выдали суточные, а товарищеский ужин, если и предполагался, то лишь в конце, перед отъездом. Допив чай, я засобиравшись к себе в номер.

И тут неожиданно прозвучало: «Останься сегодня здесь... Я тебя прошу... Очень...» То есть, то, чего я так опасалась утром, оказалось реальностью. Нравился ли мне Золотухин? Да, нравился. Была ли я пуританкой, не допускающей, что между мужчиной и женщиной могут вспыхнуть чувства? Нет, не была. Так почему же тогда я сказала ему (и еще раньше — себе!) короткое и однозначное «нет»? Главным в таком решении было то, что я точно почувствовала, поняла и позже сформулировала для себя: эта наша как бы случайная встреча на пересечении времени и пространства, совсем не случайна. И человеческие отношения с такой незаурядной личностью, с таким открытым и большим талантом — для меня важнее всего остального. Променять свечение долгой дружбы на короткую вспышку? Вечное на временное? В том, что у двух взрослых женато-замужних людей временное может быть лишь кратковременным, — я не сомневалась. И я ушла. Хотя потом еще долго у себя в номере не могла уснуть, перебирая в уме все возможные варианты развития событий. Валерий, естественно, на меня обиделся, и весь следующий день мы почти не глядели друг на друга. Однако выступление наше вечером прошло еще лучше, задорнее, чем в первый раз. Но в гостиницу я вернулась уже одна. Задетое мужское самолюбие искало выхода, а желающих закрутить легкий романчик со знаменитым артистом всегда много, в любом городе, в любое время. И тут тоже среди устроительниц нашей поездки нашлась давно влюбленная в Золотухина милая дама, готовая его и обогреть, и утешить. Оставшиеся полтора дня он провел у нее в гостях, а на последнее наше выступление прибыл немного подшофе. Уязвило ли меня такое развитие событий? Скорее, нет. Может быть, только слегка, в первую минуту. Но дальше я поняла, что и вторая причина моего «нет» возможному адюльтеру была весомой: я боюсь боли, и всегда оберегала себя от такой унижительной и жестокой душевной боли — быть брошенной, оставленной, отодвинутой на задний план. Если в моей жизни и были сумасшествия, то они возникали на взаимном сильном чувстве, на воспламенении и уверенности в том, что огнем управляют не только небеса, но и я.

Наши места в самолете были, естественно, рядом. И почти весь полет мы промолчали, в такси из Домодедова в Москву — тоже, а когда расставались, Валера неожиданно взял мою руку, поцеловал и так тихо-тихо своим поставленным, но органически безупречным, с первого звука узнаваемым голосом, сказал: «Спасибо. Ты все сделала правильно... Правильно. Вы все решили, Надежда Васильевна...»

И с того момента все 30 лет общения, до самой его смерти, публично и наедине мы обсрались друг к другу только по имени-отчеству, хотя и было в этом что-то неестественное, почти карикатурное. Но нам нравилось. И в этом сохранилась некая тайна, известная лишь двоим.

«Надежда Васильевна, давно не виделись, приходите на премьеру...»

«Валерий Сергеич, конечно, придем, соскучились уже...»

После Магнитогорска у нас было еще немало совместных поездок и выступлений, иногда по линии все тех же моих книголюбов, иногда по предложениям, полученным Золотухиным из других концертных организаций. Челябинск, Курган, Тюмень, Кострома, Москва, подмосковные города — всего и не вспомнишь. Но некоторые эпизоды избирательная память хранит. Вот Тюмень, время уже горбачевское. Прилетели поздно, расположились в гостиничке. Наутро — три выступления, и вечерний концерт, причем первое выступление — рано, в 10 утра в администрации города. Зашли в гостиничный буфет — шаром покати, засохшие бутерброды, да и те уже почти закончились. Решили сходить в соседний магазин. Подходим к прилавку — масло лежит, сыр, колбаса. С очаровательной улыбкой, с такой специфически золотухинской интонацией, Валерий Сергеевич просит взвесить нам 200 граммов масла, 300 — сыра и столько же — колбасы. Продащица мило улыбается, узнав «Бумбараша», и тоже снизив голос, говорит: «Извините... это все только по талонам... не могу...» И потом еще тише: «Но, если вы зайдете вечером, перед закрытием, я все сделаю». И точно, наутро завтрак нам был обеспечен. Ценил народ своего любимого артиста, хотя звание «народный» у Золотухина тогда еще не было. Получил его Валерий Сергеевич несколько позже, и так случилось, что новость о присуждении ему народного артиста РСФСР пришлось объявить со сцены мне, потому что известие пришло за кулисы как раз во время нашего другого концерта, в Курске, если не ошибаюсь, в середине 1987 года. Поэтому Курск запомнился мне тоже. За несколько дней до поездки позвонил Золотухин: «Надежда Васильевна, выручай. Поехали в Курск. Денис загремел в армию, надо наладить контакты

с его начальством. Обещал, что приеду. Я договорился с филармонией на три наших концерта». Через несколько дней мы были на месте. Номера нам сняли приличные: для меня — стандартный, для Валерия — люкс. В первый же день он отправился в воинскую часть и, естественно, назад прибыл уже с сыном, отпущенным в увольнение на весь срок нашего пребывания в городе. Денис был очень красивый юноша, высокого роста, стройный, глаза с поволокой. На отца и похож чем-то и не похож; много в лице и от мамы, известной красавицы Нины Щацкой. «Вот смерть девушке будет!» — только успела подумать я, как мои мысли угадал отец: «Прячьтесь, девки, сын идет!» — пропел Валерий на народный манер. Денис оказался на редкость симпатичным, общительным малым, без фанаберии, свойственной детям из известных мне писательских и актерских семей. Естественно, разговор зашел о его дальнейшей, уже постармейской жизни. «Скорее всего, пойду во ВГИК, на режиссерский... как советуют Ляня и мама...» Валерий Сергеевич молчал. О внутренней распри, существовавшей между его отцом и отчимом Леонидом Филатовым, я знала, и дальнейшие расспросы прекратила. После окончания службы семейная мечта сбылась, и юноша поступил во ВГИК. Каково же было мое изумление, когда однажды позвонил Золотухин и сказал с заметной живостью в голосе: «Вы не представляете себе, что отчебучил Денис. Забрал документы из ВГИКа и поступил в духовную семинарию...» Я знала, что в эти годы Валерий Сергеевич уже был всерьез воцерковленным человеком, и такой неожиданный поворот событий его не мог не радовать.

А тогда, в Курске, я почувствовала, что отец как бы заново ищет контакта с повзрослевшим сыном, нащупывает точки своего возможного влияния на его судьбу.

На наших общих выступлениях Валерий Сергеевич всегда был в ударе, отработывал отделение на полную катушку, никогда не халтурил и не старался сократить или ужать свое вдохновенное пребывание на сцене.

Помню я и многие дни рождения Золотухина, которые он обычно праздновал день в день, 21 июня. Один из них — как раз накануне поездки в Курск. Поздравляющих в квартире на первом этаже у метро «Академическая» было много (в том числе, и я с мужем, Борисом Примеровым), но сидели за столом не все разом, не одновременно: одни приходили, другие уходили. Было это, может, еще и потому, что хозяйки в тот день дома не было — жена Валерия Сергеевича Тамара с маленьким сыном Сережей

отдыхали на юге. Некоторых гостей, вроде Ивана Бортника с женой, я уже знала, других видела впервые.

Надо сказать, что в те поры мы с Валерием были уже достаточно близки, можно сказать даже — дружны. В некоторые его житейские тайны я была вхожа. Многих поклонниц знала в лицо. При этом, замечу, я ни разу не слышала от Золотухина ни одного недоброего или черствого слова в адрес его жены Тамары. Напротив, с ее мнением, вкусом и знаниями он очень считался. И я всегда понимала, что Тамара Владимировна в его жизни — скала незыблемая, твердая и устойчивая; такую не разрушить ни житейским ураганам, ни семейным бурям. Обычно сия нерушимость наблюдается в семьях, где опорой жизни является как раз жена — крепостная стена, добытчик и надежная опора для творческого человека. Но тут было другое. Именно незащищенность и хрупкость близкого человека служили крепости этого брака. Истинно христианская любовь брала верх над всеми остальными порывами и страстями.

И даже когда жизнь подарила Золотухину последнюю, настоящую и красивую во взаимности любовь с актрисой Ириной Линдт, развода с Тамарой не произошло. Ответственность за близких — характерная черта в личности этого человека. Может, поэтому Бог и послал ему младшего, горячо любимого сына, Ванечку, которого крестил его старший сын, отец Дионисий. Я присутствовала на крещении и свидетельствую: это было счастье, в его чистом, беспримесном виде.

Однако и при жизни, и особенно после смерти артиста, злые языки взялись перемалывать ему кости, обвинять в двоеженстве, искать ущерб в бытовой и виноватости в христианской жизни, очевидно, напрочь забыв про известный евангельский сюжет и слова Иисуса, обращенные к книжникам и фарисеям, побивающим камнями грешницу: «...кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень...»

Я понимаю также, что уже изданные и еще не изданные «Дневники» Золотухина тоже — как бы повод к сплетням. Но тут я хочу напомнить ревнителям нравственности знаменитое письмо Пушкина к Вяземскому (о Байроне) от 1825 года: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы, он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе. Писать свои Memoires заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать —

можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать... суд людей не трудно. Презирать суд собственный невозможно».

Валерий Сергеевич знал это письмо, и в своих разговорах мы не раз к нему возвращались. За долгие годы общения с артистом я никогда не слышала от него ни осуждения других людей, ни оправдания себя и своих поступков. Сплетни, как жанр, — ему были чужды, что артистические, что писательские. Как, впрочем, и мне. А вот суждениями о книгах и поступках друг друга мы дорожили. В доказательство — из многочисленных имеющихся у меня автографов приведу два. Первый — на книжке, изданной в знаменитой серии «Библиотека «Огонек», 1987 год: «Дорогая Надежда Васильевна! «Вашими молитвами», в буквальном смысле рождена эта книжечка. Дорога она мне к тому же еще и «Стариками», что написаны 20 с лишним лет назад. В общем, низко кланяюсь Вам, благодарю и с Новым, 1988 годом. Здоровья семье, удачи Вам за столом и в делах. Обнимаю, Ваш — В. Золотухин, 28 декабря 1987 г.» Второй инскрипт, более поздний — на его книге о Высоцком: «Надежде Васильевне — другу моему и поэту от Бога в память В. Высоцкого — Валерий Золотухин. Храни Вас Бог и нашу дружбу! Ваш Золотухин» и дата: «19.03.11 г. Кострома». А еще в моем архиве есть несколько писем от Валерия Сергеевича, написанных им от руки, и одно — являет собою отклик на мою книгу «Инкогнито», надо сказать, более чем лестный для автора.

Но самым, пожалуй, убедительным подтверждением нашего многолетнего искреннего товарищества стали два моих творческих вечера под названием «Надежда и ее друзья», которые блестяще провел в переполненном Большом зале ЦДЛ Валерий Золотухин. Я благодарна многим моим известным коллегам, украсившим эти вечера своими выступлениями, но слова, произнесенные со сцены артистом, по сей день греют мое сердце. Сохранились записи этих вечеров, и я надеюсь однажды оцифровать старые пленки и смонтировать фильм о нашем творческом содружестве.

Что же касается моих откликов на творчество Золотухина,

то они тоже были. Например, статья «Моменты Тигра и Быка», опубликованная в «Литературной газете» к 60-летию артиста. Скажу без скромности, самому герою она очень понравилась. Дорожу я и своей рецензией в «Литературной России» на спектакль «Владимир Высоцкий», восстановленный Николаем Губенко на еще не разделенной сцене «Таганки» как раз накануне возвращения в страну Юрия Любимова. Валерий Сергеевич часто вспоминал ту историю и подчеркивал, что это была единственная рецензия на знаковый спектакль в знаковое время. Инициатором ее появления на свет был, конечно, Золотухин, а вдохновенным исполнителем — я.

...И есть еще один короткий текст, написанный слезами и сквозь слезы, — некролог на смерть любимого друга, опубликованный в «Литературной газете». Вот им я и хочу закончить свои воспоминания, потому что обычно в такие горькие минуты прощания с человеком и находятся самые главные и самые важные слова.

«Ушел из жизни еще один русский сын Мельпомены. Именно так: не умер, не скончался, не исчез, а просто тихо и смиренно ушел от нас — по словам бесконечно любимого им Есенина — «...в ту страну, где тишь и благодать».

Валерий Сергеевич Золотухин одним из первых среди моих московских знакомых начала 1980 годов пришел к вере. Вернее, не пришел, а вернулся — из советского забвения, из абсурда истматов и диаматов, из той большой разрухи в умах и сердцах, которая в горячечной лихорадке переустройства старого мира, рушила церкви и жгла святые иконы. Вернулся к вере отцов и дедов.

История известная (многожды самим артистом рассказанная), о том, как отец Сергей Илларионович Золотухин, будучи председателем колхоза, участвовал в разрушении храма в родовом алтайском селе Быстрый Исток, а знаменитый его сын на свои кровные этот храм спустя полвека восстанавливал. И не гордынею был ведом он по этому пути, скорее — смирением. «Я человек, пытающийся верить в Бога», — сказал Золотухин в одном из многочисленных интервью последних лет. И в этих словах больше правды и христианского чувства, чем в иных разглагольствованиях истовых «защитников» православия.

Валерий Сергеевич был блестящим артистом и знал это. И сомневался в этом столько раз, сколько готовился выйти на сцену театра или войти в кадр на съемочной площадке. И забывал об этих сомнениях ровно в тот момент, когда начинал свою роль. Это свойство поистине великих служителей искусства,

маленькие — никогда в таком не признаются, даже себе, не то что — публике. Обезоруживающая откровенность «Дневников» Золотухина шокировала многих. Спорили, нужно ли при жизни публиковать это, не нужно. Оказалось, что это вовсе и не дневники даже, не личные записки гордости и тщеславия, но своеобразно сложившийся и лишенный ретуши — роман эпохи, отразившейся в зеркале столь уникального явления XX века, как Театр драмы и комедии на Таганке, в котором Золотухину выпало прослужить почти полвека. Если это и «донос ужасный» (как не без юмора определил жанр золотухинских сочинений Ю.П. Любимов), то первым пострадавшим от такого «доноса» стал сам летописец, ни в чем не приукрашивший ни себя, ни свою жизнь. И это, конечно, подвиг. Однако подвижничество на Руси часто бывает подвергаемо сомнению, вызывает зависть современников, как собственно и сам Дар Божий.

Даже в эти трагические дни один из коллег Золотухина не постеснялся назвать его «способным во многих отношениях человеком». Да нет, господа, способности Бог дал вам, может быть, и большие, а ему — великий, неподражаемый талант, дабы открыл он на актерском поприще и показал людям глубинную, гениальную сущность того народа, из которого сам и вышел. И народный артист — это не звание, это была его суть.

Если же попытаться коротко определить человеческую сущность Валерия Золотухина, то без раздумья скажу, что он был — настоящим. Настоящим профессионалом. Настоящим мужчиной. Настоящим другом. Настоящим русским интеллигентом. Деликатным, сговорчивым, благородным человеком. В добродетелях всегда держал — мудрость и ненавязчивость.

Искрометный на сцене, в жизни он играть отказывался, поэтому все разделы «Таганки» прошли через его сердце. Все расколы и передрыги оставили свои рубцы и раны. Я свидетельствую об этом не только как конфидендент, но и как простой зритель на этом большом и скверном театре жизни.

Мы дружили с Валерием Сергеевичем больше 30 лет, но по взаимному молчаливому сговору были на «вы». И лишь дважды сказали друг другу «ты» — в день ужасной гибели его сына Сергея и в день столь же безвременной кончины моего сына Федора.

Я благодарю Вас, Валерий Сергеевич, за красоту нашей дружбы, за Вашу сердечность, участие и понимание.

Мне нечем утешиться сегодня. Я смотрю в телевизор, где заразительно смеются Ваши неумирающие герои, — и ничего не вижу. Я слушаю Ваш неповторимый голос — и плачу». ■